

ЕВГЕНИЙ ПЕРМЯК

ХИТРЫЙ
КОВРИК

СКАЗКА-ЛОЖЬ,
ДА В НЕЙ
НАМЁК—
ДОБРЫМ
МОЛОДЦАМ
УРОК"

ЕВГЕНИЙ ПЕРМЯК

РИСУНКИ

В. ЧИЖИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“

МОСКВА · 1968

ПРО ТОРОПЛИВУЮ КУНИЦУ И ТЕРПЕЛИВУЮ СИНИЦУ

Стала торопливая Куница шёлковый сарафан к лету кроить. Тяп-ляп! Весь шёлк искромсала, изрезала в лоскутки. И не то, что сарафан,— платка из этих лоскутков нельзя сшить.

Стала терпеливая Синица из холстины фартук кроить. Тут прикинет, там смекнёт, сюда подвинет, туда подвернёт. Всё

она сообразила, всё высчитала, всё вычертила, потом за ножницы взялась. Хороший фартук получился. Ни одного лоскутка не пропало даром.

Диву далась Куница. На фартук глядит — завидует:

— Где ты кройке-шитью училась, Синица? У кого?

— Бабушка меня шитью выучила.

— А как она учила тебя?

— Да очень просто. Пять волшебных слов велела запомнить.

— Каких?

— Семь раз отмерь — один отрежь.

ЕЖИХА-ФОРСИХА

П

риглянулся Ежихе-форсихе выдровый мех. Не налюбуется.

— Давай, Выдра, одёжкой меняться!

— Давай! — говорит Выдра.

Сказано — сделано. Поменялись одёжками.

Ходит по лесу Ежиха-форсиха, дорогим выдровым мехом похваляется:

— Вот я какая нарядная! Смотрите!

Учуяли собаки-разбойницы дорогой выдровый мех и кинулись на Ежиху-форсиху:

— Снимай, тётка, выдровую шубу!

А Ежиха и в ус не дует. Забыла, что больше она не колюча. Свернулась по старой ежиной привычке в комочек да подзадоривает собак:

— А ну, попробуйте схватите меня!

А собаки взяли да и схватили.

Поняла Ежиха в собачьих зубах, какого она маху дала, когда свою колючую шкурку-защитницу на выдровый прима-ночный мех поменяла. Поняла, да уж поздно было.

МАТЬ-МАЧЕХА

несла непутёвая Кукушка три яйца. Одно — в Иволгино гнездо, другое — в Желнино, третье — в Щеглиное. Снесла беззаботная мать и улетела в весёлые леса куковать, годы предсказывать, людям голову морочить, свою душеньку тешить.

Летала она так, куковала да и о детях вспомнила, что в чужих гнёздах росли.

— Пора мне их под своё крыло взять,— сказала Кукушка.— То-то обрадуются милые детушки родимой матушке!

Прилетела Кукушка к Иволгину гнезду, а кукушонок и не взглянул на неё. Иволгу матерью называет. Из её клюва кормится, на её голос откликается.

— Вон ты каков, неблагодарный! Из моего яйца проклюнулся, а меня и узнать не захотел! — сказала в сердцах Кукушка и полетела в Желнино гнездо.

Увидела там кукушонка и к нему бросилась:

— Здравствуй, сыночек мой ненаглядный! Узнал ли ты свою мать?

Испугался кукушонок невиданной птицы, на весь лес пищит, Желну кличет:

— Матушка, лети скорее сюда! Чужая тётка хочет меня из родного гнезда унести!

Прилетела Желна и прогнала прочь Кукушку.

Полетела тогда Кукушка к Щеглиному гнезду. Глядит — её кукушонок Щеглиху перерос. Она еле-еле кормить его поспевает.

«Ну,— говорит себе Кукушка,— эта-то уж отдаст мне моего обжору!»

— Бери своего подкидыша,— говорит Щеглиха.— Я из сил выбилась — уж очень он много ест.

Как услышал это кукушонок, задрожал, замахал крылышками и жалобно-жалобно стал просить Щеглиху:

— Дорогая моя, любимая мамонька, я лучше с голоду умру, только из-под твоего материнского крыла под чужое не пойду!

Разжалобилась Щеглиха, тоже всплакнула:

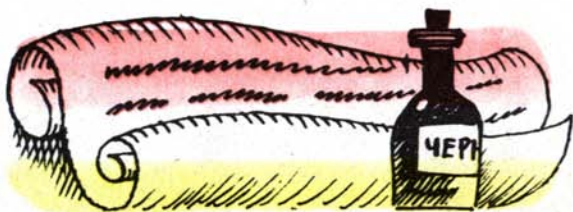
— Да никому я тебя, мой сыночек, не отдам! Лучше часок-другой не досплю, а тебя выкормлю!

Кинулась тут Кукушка к судье — судом деток отсуживать. А судьёй в этом лесу Дятел был. Мигом дела разбирал. И Кукушкино дело скорёхонько рассудил. По совести, по народной мудрости решение вынес: «Не та мать, которая деток народила, а та, что их вскормила, вспоила да на ноги поставила».

ГУСЬ ЛАПЧАТЫЙ

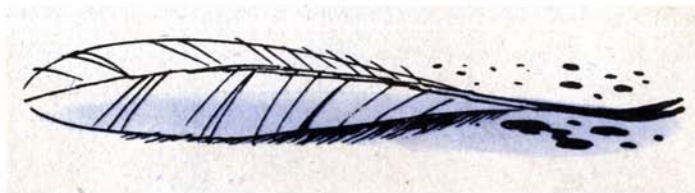
П

рослышал как-то гусь, что пером из его крыла книги пишутся, государственные бумаги подписываются, возгордился и заготовал:

— Го-го-го! Государственная я птица, а не простая! Коли б не моё крыло да не моё перо, чем бы книги писались, как бы указы-приказы составлялись?

Услыхал эту похвалбу чернильный

орешек, на котором чернила настаивали, тоже хвастаться стал:

— Не простой я орех, а чернильный! Коли б не я да не гусиное перо, чем бы книги стали писать, чем бумаги подписывать?

Тут и старая тряпка нос задрала:

— Из меня бумагу делают! На мне пишут. Не будь меня да гусиного пера, да чернильного орешка, не было бы грамоты на земле!

— Го-го-го! — гогочет гусь.— Пойдём втроём народ припугнём. Пускай он нам славу поёт, почёт воздаёт! А не то мы его

перьев лишим, чернил не дадим, бумагу придержим! Незаменяемые мы!

Пошли гусь, чернильный орех да старая тряпка почёт добывать, славу требовать. Выслушал их народ и стал вместо гусиных стальными перьями писать, чернила из чернильного порошка готовить, бумагу из дерева вырабатывать.

На этом и кончилась похвальба старой тряпки да чернильного орешка. Тряпкой стали пол мыть, пыль вытирать, а про орешек даже и забыли, где и на чём он растёт.

Притихли орешек да тряпка. А гусь ещё не унимается. Гогочет! Крыльями машет, да взлететь не может. На это мало кто теперь обращает внимание. Только если случится в народе выскочка, или хватун, или крикун, люди обязательно про такого скажут: «Видали, каков гусь лапчатый? А?»

Х

валился Филя, что он всё может
делать. Всё умеет.

Заставили Филю траву косить. Весь
день Филя косил. Ничего не накопил.
Только время потерял.

— Как же это ты, Филя, оплошал?

— Коса тупа и коса,— отвечает Фи-
ля,— то в землю норovit воткнуться, то

поверх травы косит. Я лучше коров буду пасти.

Стал Филя коров пасти. Разбрелось стадо. Еле собрали.

— Как же это ты, Филя, оплошал?

— А это не я оплошал,— отвечает Филя.— Это хозяева. Они ноги коровам не связали. А как их несвязанных пасти? Разбредаются. Я лучше баркас буду водить. В рулевые пойду.

Стал Филя баркас водить. Баркас туда-сюда рыскает. Рыскал, рыскал да и сел на мель.

— Как же это ты, Филя, оплошал?

— Клина не дали,— отвечает Филя.

— Какого клина, Филенька?

— Того, которым руль заклинивают, чтобы баркас туда-сюда не поворачивался. Я лучше на скрипке играть стану.

Стал Филя на скрипке играть. Собаки на селе завывали, кошки по чердакам прятались.

Люди на улицу выбежали.

— Ты что это, Филя, народ полошишь?
Зачем хвастал, что всё можешь?

— Да глазами-то я всё, что хочешь,
сделать могу, только руки меня не слуша-
ются. Они во всём виноваты, а не я.

Опять Филя отговорился и правым
оказался. Но работы ему с тех пор никто
больше не доверял.

ПРОПАВШИЕ НИТКИ

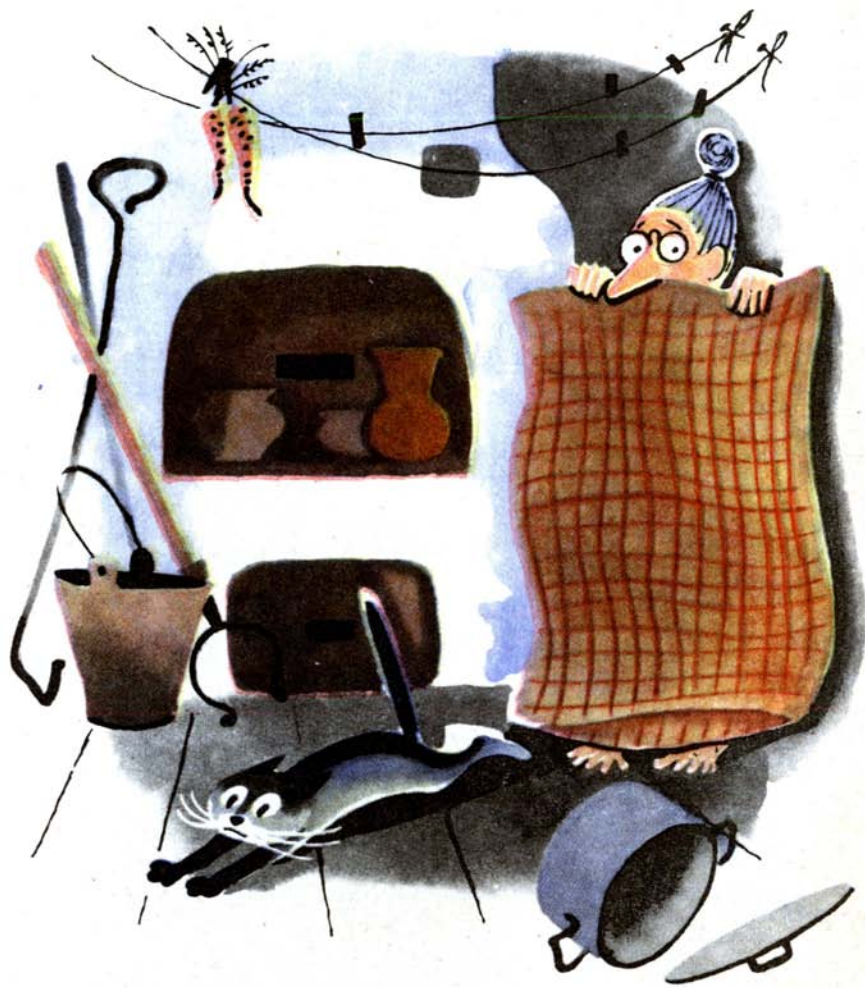

ила-была сварливая старуха. К тому же неряха. Стала как-то она шить. А у неряхи все нитки спутаны. Распутывала их, распутывала нерадивая торопыга, да и крикнула:

— Пропадите вы пропадом! Чтобы глаза мои не видели вас со всем вашим нитяным отродьем!

А нитки возьми да и пропади со всем

своим нитяным отродьем: кофтами, юбками, платьями и бельём. Ничего нитяного в доме сердитой старухи не осталось.

Сидит старуха и вопит на всю горницу:

— Батюшки-матушки, где же моя одёжа?

Кинулась старуха за овчинным тулупом, чтобы себя прикрыть. А тулуп по овчинам на куски распался. Потому как овчинные куски тоже нитками были сшиты.

Мечется старуха из угла в угол, а по избе пух летает. Наволочки у подушек тоже из ниток тканые. Не стало в доме ни варежек, ни чулок, ни одеял, ни половиков. Ничего нитяного не стало.

Накинула старуха на себя рогожный куль, да и давай у ниток прощения просить:

— Ниточки льняные, ниточки шерстяные, ниточки хлопковые, ниточки шёлковые! Простите меня, старуху сварливую, торопливую, нерадивую. Вернитесь в мою избу!

И так-то жалобно старуха голосит-причитает, просит, что даже нитки, испокон веков молчальницы, и те заговорили.

— Назови,— говорят нитки,— полови-
ну того, что из нас, ниток, ткётся, плетётся,
вьётся и вяжется. Тогда вернёмся, про-
стим.

— Только-то и всего? — обрадовалась
старуха.— Мигнуть не успеете — назову!
И принялась старуха называть. На-
звала десяток-другой нитяных изделий-
рукоделий да и осеклась.

Не всякий, кто круто берёт, далеко идёт. Спотыкается. Останавливается. Отдыхает. Стала старуха вспоминать, что из ниток ткётся, плетётся, вьётся и вяжется. День вспоминает, два вспоминает — десятой доли не вспомнила.

Шелка́, бархатá, сукна, ковры, половики, ситца, кружева, одеяла, скатерти... Платки, шали, шарфы, ленточки разные...

Отдохнёт, поест-попьёт и опять вспоминать примется: пояски, опояски, к ботинкам завязки; сапожные ушки, накидки

на подушки; тюлевые шторы, плетёные оборки; сети-мережи и косынки тоже...

Месяц проходит, другой начинается. А нитки не возвращаются. Старуха из сил выбивается. Другой день больше двух-трёх нитяных поделок и назвать не может.

Соседи старуху жалеть начали, подсказывают.

Сороки, и те, как только выведают, где что новое из ниток делают, старухе перестрекочат. Тоже жалеют. И вы её пожалейте. Может быть, тоже десяток-другой нитяных поделок назовёте.

Поняла она теперь, что нитки весь свет одевают, нигде без них не обходятся.

ХИТРЫЙ КОВРИК

У

мною Машенька росла, да не всё понимала.

Пошла она как-то в лес и ужалилась о Крапиву.

— Ах ты, такая-сякая, колючая. Зачем только ты на свете живёшь? Один вред от тебя!

А Крапива рассмеялась на это и сказала:

— Так и о пчеле можно только по жалу судить. А пчела ведь ещё и мёд даёт.

Тут Маша как крикнет на весь лес:

— Да как ты можешь, бездельница, себя с пчелой-труженицей сравнивать!

— Вот что,— говорит Крапива,— приходи сюда осенью, я тебе ума-разума добавлю.

Не верилось Машеньке, что у Крапивы можно ума-разума набраться, но пришла. А вдруг да Крапива что-то дельное скажет?

— Ну давай, добавляй мне ума-разума, а я послушаю.

Крапива пожелтела по осени. Состарилась. Голос её стал скрипучий, жёсткий.

— Добудь, Машенька, рукавички,— говорит Крапива,— да выдержай меня и свяжи в пучки.

Надела Машенька рукавички. Выдержала Крапиву и связала в пучки.

— А теперь,— говорит Крапива,— вымочи меня в речке и потом подсуши.

Вымочила Маша Крапиву, подсушила и спрашивает:

— Ещё что придумаешь?

— Теперь, — говорит Крапива, — лодмай мои стебли, мни, выколачивай из них лишнее... А дальше сама увидишь...

Опять Машенька сделала всё то, что Крапива просила, и получилось длинное, прочное крапивное волокно.

Задумалась Маша, а потом решила: коли есть волокно, из него можно нитки спрясть.

Спряла Маша нитки и снова задумалась. Думала, думала и решила из ниток коврик выткать. Выткала она коврик и вышила на нём зелёными нитками молодую весёлую крапиву.

Повесила Машенька коврик на стенку и сказала:

— Спасибо тебе, Крапива, что ты мне ума-разума добавила. Теперь-то уж я знаю, что не всё на свете пустое да негодное, что пустым да негодным кажется.

И стала с тех пор Маша обо всём думать, во всё вникать, везде, в каждой мелочи, для людей пользу выискивать.

КТО МЕЛЕТ МУКУ

Ж

ил в мельничном ларе мучной червь. Наелся он как-то свежей муки, выполз на край ларя, зевнул и спросил:

— А кто мелет муку?

— Как это кто? — проскрежетал жёрнов. — Я!

— Нет, я,— проскрипела на это деревянная рабочая шестерня.— Я кручу ось, на которой ты, жёрнов, сидишь. Значит, я и мелю муку.

— Это ещё что? — заспорил главный вал мельницы.— На ком ты надета, шестерня? Не на мне ли? Не я ли мелю муку?

Тут мельничные крылья не утерпели и засвистели на ветру:

— Мы, крылья, всех вас вертим, крутим и двигаем! Значит, мы и мелем муку.

Услыхал это ветер и сильно разгневался. Рванул он дверь мельницы, выдул прочь мучного червя и так сильно задул, что только крылья у мельницы замелькали.

От этого главный вал, деревянная шестерня и жёрнов заработали-завертелись быстрее. Веселее пошёл помол муки.

— Поняли вы теперь, кто мелет муку?

— Поняли, батюшка ветер, поняли! — ответили все.

— Ой ли? — ухмыльнулся мельник. — Не всем дано понимать, кто мелет муку, кому подвластны все ветры, все воды, кто строит все мельницы на земле.

Сказал так мельник и повернул главный ветровой рычаг. Остановилась работа на мельнице. Все замерли. И жёрнов, и вал, и шестерни. Потом смазал мельник скрипучие места, засыпал нового зерна, выгреб смолотую муку и опять пустил мельницу.

Плавно заработали крылья. Молча за-
вертелись главный вал и рабочая шестер-
ня. Без болтовни, без пустого скрипа.

— Так-то оно лучше,— молвил старый
мельник. Запер на замок мельницу, при-
грозил ветру пальцем: «Смотри у меня,
мели!»— и пошёл обедать да эту самую
сказку своим внучатам рассказывать, что-
бы они знали, кто мелет муку, кому под-
властны все ветры, все воды, все мельни-
цы на земле.

„Сказка—ложь, да в ней намёк—

Составление и общая редакция
Виктора Важдая

В серию входят:

ХИТРЫЙ КОВРИК — *Евг. Пермяка*

МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ:

Петух — *Александра Рубба*

Олешка—	} (СААМСКИЕ СКАЗКИ) Запись и пересказ В. Чарнолуцкого
золотые рожки	
Завещание	

Гордая лужа	} <i>Л. Младно</i>
Ручёек и малиновка	

**СКАЗКА О ЕЛОВОЙ ШИШКЕ
И СЕРОЙ МЫШКЕ** — *Виктора Важдая*

НЕБЫЛИЦЫ В ЛИЦАХ — *Б. Шергина*

— добрым молодцам урок—

Для старшего
дошкольного возраста

Евгений Андреевич Пермяк
ХИТРЫЙ КОВРИК
Художник В. Чижиков

Редактор *Т. Носова*
Художественный редактор *Д. Пчёлкина*
Технический редактор *Е. Соколова*
Корректор *Н. Сендерова*

Сдано в набор 7/VII-66 г. Подп. к печати
31/1-67 г. Бумага 70 × 108¹/₃₂. Печ. л. 1,5.

Усл. печ. л. 2,05. Уч.-изд. л. 2,38.

Тираж 200 000 экз. Заказ № 453. Изд. № 581

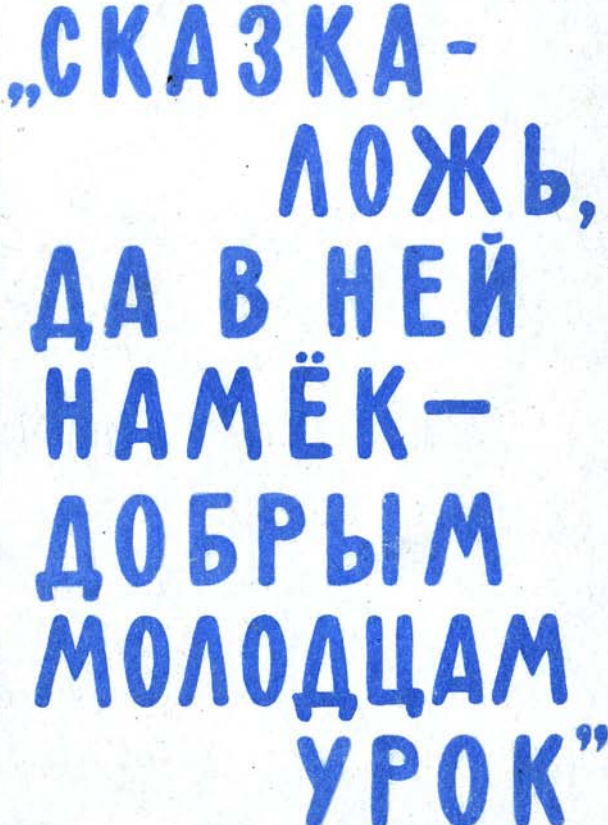
По оригиналам издательства «МАЛЫШ»

Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР

Типография издательства «Звезда».
Минск, Ленинский проспект, 79.

20 коп.

„СКАЗКА-
ЛОЖЬ,
ДА В НЕЙ
НАМЁК-
ДОБРЫМ
МОЛОДЦАМ
УРОК”

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ . 1968

